

УДК 1 (091)

О.А. Назарова

**НИШИ СВОБОДЫ:
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОКРАТИЧЕСКОГО МЕТОДА
В ПРЕПОДАВАНИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА
В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ
(НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
АЛЬБЕРТА КНИГИНА)***

На примере научно-преподавательской деятельности профессора Томского государственного университета Альберта Книгина обсуждается тема возможности свободного философствования в Советском Союзе. Указывается на то, что преподавание «заидеологизированной» дисциплины – диалектического материализма – не мешало научению свободно мыслить. Анализируется методология преподавания Книгиным диалектического материализма и выявляются сущностные характеристики его философствования.

Ключевые слова: советская философия, диалектический материализм, сократический тип философствования, методология преподавательской деятельности, ребеллизм, свобода, Альберт Книгин.

I.

Я отношусь к тем, кто получал свое философское образование в так называемый поздний советский период – конец 80-х – начало 90-х гг. XX века. Поэтому размышления о том, что такое «советская философия», для меня, как и для всех тех, кто либо учился, либо преподавал в те времена, неизбежно становятся экзистенциальными размышлениями.

В самом начале я хотела бы сделать одно терминологическое отступление и остановиться на таком понятии, как «*ребеллизм*» (или протест), в качестве характеристики современного общественного сознания. Ребеллизм предполагает отвержение принятой в обществе доктрины – идеологической, политической или философской. Современное сознание, по моим наблюдениям, склонно объявлять его выражением подлинной свободы человека и опирается в своих выводах, по-видимому, на правовые нормы, принятые в демократическом обществе: в первую очередь имеется в виду право открыто высказывать свое мнение и связанное с этим представление о том, что свобода человека заключается в возможности протеста. А поскольку именно в свободе состоит подлинная сущность человека, то ребеллизм начинает рассматриваться в положительном ключе.

Применительно к оценке такого феномена, как «философия в советское время», данная установка выражается следующим образом: принятая в Советском Союзе официальная философская доктрина – марксизм – объявляет-

* Публикация представляет собой текст доклада, сделанного на конференции «Философия в советское время. Актуальный взгляд на ее формы и функции с исторической и теоретической точек зрения» (3–6 ноября 2011 года, организаторы – Кусская академия европейской духовной истории и интернациональная исследовательская группа «Русская философия», г. Бернкастель-Кус, Германия).

ся непродуктивной, а положительной оценки удостоиваются лишь отвергавшие его в той или иной форме философские учения, теоретическими источниками которых служили совершенно иные типы философствования. Я бы назвала это явление «*философским ребеллизмом*». В качестве примера можно привести Алексея Лосева, избравшего для себя «тихую» форму протеста и ушедшего в абсолютно незаидеологизированную сферу – в изучение античной философии, или Мераба Мамардашвили, пределавшего путь от марксизма к феноменологии.

Мне кажется, что подобная установка была весьма характерна для того периода, который последовал сразу после распада Советского Союза. И лишь спустя некоторое время нигилизм по отношению к «советской философии» сменился попыткой ее положительного осмысления. Так, например, можно только приветствовать выпуск издательством РОССПЭН в 2010 г. серии книг под названием «Философия в России второй половины XX века». Однако в представлении материала и здесь обращает на себя внимание следующий факт: акцент делается на том, что источники размышлений представляемых советских философов лежали не столько в марксизме, сколько в ином философском поле² и, как следствие, указывается на существование конфликта между их персональным философским мировоззрением и мировоззрением официальным. Можно констатировать, что даже в этой серии «ребеллизм» в отношении официальной философии – марксизма – объявляется не только положительным явлением, но и *по-настоящему продуктивной* философской позицией, *неким положительным достижением* во времена существования СССР.

Я исхожу из того, что свобода как таковая и свобода философского духа в частности не всегда находят свое выражение в протесте, в отвержении, но также и в переосмыслении той доктрины, которая может задаваться философу изначально, подобно марксизму в советские времена. Следует принять во внимание и то, что далеко не каждый в те времена считал *возможным, а главное необходимым и оправданным, открытый бунт*. Поэтому, с моей точки зрения, особый интерес в изучении феномена «советской философии» представляют так называемые официальные философы, т.е. философы, *реализовывавшие свою свободу мышления и самовыражения*, находясь в официальных структурах и занимаясь преподавательской деятельностью и научной работой, не конфликтовавшие с официальной философией и свободно развивавшие свое мировоззрение, отталкиваясь от философии марксизма.

II.

Раскрывая заявленную тему, мне хотелось бы остановиться не на известных уже на Западе личностях, таких как Эвальд Ильенков, но на одном ярком примере из моего личного опыта во время обучения на философском факультете Томского государственного университета в 1987–1990 гг.

Альберт Книгин – философ, окончивший в 1954 г. Ленинградский университет и защитивший кандидатскую диссертацию по теме «Соотношение логики формальной и логики традиционной», вплоть до 2009 г. являл-

² Как правило, в поле европейской «немарксистской» философии XX века.

ся профессором кафедры онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета в Томске [1]. Его авторитет на факультете был столь высок, что на преподавательской работе он оставался до 80 лет, и руководство факультета никогда не ставило вопроса об его уходе на пенсию. А когда он принял решение уйти на заслуженный отдых, двадцатилетние студенты провожали его в буквальном смысле слова со слезами на глазах.

Желание осмыслить «*феномен Альберта Книгина*», т.е. дать себе отчет в том, «что это было» и как повлиял на нас этот человек, так или иначе не оставляет его учеников. Краткую попытку такого осмысления я и хотела бы здесь представить.

III.

Попытавшись понять, что определяет значимость Альберта Книгина, мы сталкиваемся с серьезными проблемами в силу избранного им *типа философствования*.

В современном научном мире традиционными признаками в определении значимости мыслителя являются *внешние показатели*: защита диссертаций – кандидатской и докторской (в обязательном порядке), карьерный рост, известность, которая гарантируется в первую очередь количеством и весомостью публикаций. И все же при наличии всех этих внешних признаков можно, говоря словами Маяковского, «по родной стране пройти стороной, как проходит косой дождь» [2]. Так, например, по собственному признанию достаточно известного советского философа Валерия Сагатовского, он «всегда себя ощущал аутсайдером», хотя «в 36 лет стал одним из самых молодых в стране докторов наук. Почти четверть века заведовал кафедрами... Имел около 350 публикаций и больше десятка монографий... В интернете около тысячи ссылок с его фамилией». Однако, как он пишет в своих «Мемуарах», когда придет время, я просто «тихо растворюсь в этом мире», по собственному ощущению, не оставив в нем весомого следа [3].

Альберт Книгин докторской диссертации не защитил, профессорское звание получил по факту длительного преподавания в вузах, за всю жизнь (кроме, примерно, 30 статей) опубликовал три крупные работы. Правда, одна из них – «Философские проблемы сознания» – была издана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, что говорит о ее качестве. Таким образом, в случае с Книгиным мы имеем перед собой философа, который, грубо говоря, «не засыпал» научный мир своими текстами. Он занимался в первую очередь *преподавательской работой* и вполне осознанно выбрал для себя именно *такой тип философской деятельности в качестве основного*, исходя (в том числе) из собственного понимания философии.

Для Книгина философия подвижна. В ней нет истин, не только «признанных научным сообществом в качестве бесспорных», но и истин, так сказать, «сегодня и надолго». Именно поэтому он согласен с Мамардашвили, который говорил о том, что учебник по философии – это вообще нонсенс. Философия представляет собой живое мышление, она вопрошает и дает ответы, но ответы не окончательные. Философские идеи в «переосмыслениях» «заряжаются новой энергией, и философская культура в целом обогащается» [4. С. 2].

Свою позицию Книгин декларировал в небольшой заметке, опубликованной в университетской газете в 1988 г. В ней он выступал против установки, в соответствии с которой научные достижения, в первую очередь защита диссертаций, становились мерилем качества преподавательской деятельности. Книгин утверждал обратное: когда преподаватель сосредоточивает свое внимание преимущественно на научной работе, то он может осветить квалифицированно (как правило) лишь область своих научных интересов. И если ему поручают прочесть курс лекций, который тематически выходит далеко за рамки его научных изысканий, то он зачастую читает этот курс, используя учебник и пару классических текстов.

Сам Книгин настаивал на необходимости смещения акцентов: от научной работы, которая находит свое выражение в первую очередь в текстах, к *«живому философствованию»*, которое в его терминологии обозначается как *«методическая работа со студентами»*.

Однако поскольку «без овладения своей наукой нельзя быть хорошим преподавателем», то *само преподавание становится определенной формой научной работы*. В этом случае предмет научного исследования образуют тематические области, которые охватывает читаемый преподавателем курс, а результатом научного исследования и становится сам этот курс [5].

Определение роли преподавателя, как она виделась Книгину, можно найти в его работе под названием «Теория познания», когда он говорит о функции социальной памяти в познании. Социальная память зафиксирована преимущественно в текстах (поэтому ее еще можно назвать «социальным тезаурусом»). Она представляет собой «совокупность всего того, что человечество познало и сохраняет в объективированном виде»; она является *«основным источником обогащения индивидуальной памяти существенными знаниями»*. «Главная трудность использования социального тезауруса вытекает из его необъятности. ... Кто-то должен выбрать и выбирает то, что учащимся следует изучить». Возникает вопрос: «Где провести границы *необходимого* знания?» Таким образом, «задача подбора материала ... сама становится научной задачей. Коренную роль здесь играет интуиция» [6. С. 171–172].

Преподаватель, руководствуясь своей интуицией и системным мышлением, сужает широкий горизонт знаний до той совокупности ограниченных знаний, которая передается студентам. Он выступает посредником между социальной памятью и студентами, благодаря чему происходит изменение сущности его работы – от простой трансляции к научно-исследовательской обработке преподаваемого материала. Как сам Книгин говорит о себе: «Я стремился не просто передать по шаблону чужие мысли, а изложить идейный материал творчески» [4. С. 3]. В результате преподаваемый курс с неизбежностью *становится авторским*, а основной формой фиксации результатов научной работы становится лекция, т.е. осуществляется *устная форма фиксации*.

Исходя из всего вышеизложенного, я бы охарактеризовала Альберта Книгина как философа *сократовского типа*. Этот тип философствования отличается отсутствием стремления записывать свои размышления и предпочтение отдается *живому общению с учениками с целью воспитания мышления*. Поскольку философия не дает окончательных ответов на вопросы, научить философствовать означает научить мыслить. В этом плане Книгина можно

сравнить с Жаком Лаканом на Западе и Мерабом Мамардашвили в советской философской традиции, творческое наследие которых составляют магнитофонные записи, расшифрованные впоследствии.

IV.

Особенность Книгина состоит в том, что он прививал навыки свободного философствования и учил мыслить своих учеников, занимаясь преподаванием одной из самых «заидеологизированных» философских дисциплин советского времени – *диалектического материализма*. Если вернуться к тому отступлению, которое было сделано мною вначале, то следует подчеркнуть, что Альберт Книгин *бунтарем не был и его мировоззрение не конфронтировало с официальным*. При этом на достаточно догматичном философском материале он действительно учил людей мыслить. Об этом свидетельствуют его ученики. Я сошлюсь на воспоминания Ларисы Логуновой, в настоящее время доцента педагогического университета Красноярск. Она пишет: «Этот человек сломал мой мозг, вытряхнул его и повергнул вспять направление мозговых извилин. Редкий человек обладает способностью менять сознание другого. Нет, кто-то может дать тебе новые сведения... Изменить систему понятий в кантовском смысле, по форме, а не только по содержанию, было дано только ему. Редкий талант...» [7. С. 36].

Казалось бы, что может быть проще – преподавать в советские времена диалектический материализм. Так это представлялось, к примеру, одному из известных западных советологов Лорену Грэхэму, который в главе «Диалектический материализм в Советском Союзе» своей книги «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе» (1987) пишет: «В СССР основной деятельностью факультетов университетов является преподавательская, а не исследовательская»; для преподавания достаточно пользоваться «традиционными учебниками и несколькими отрывками из классических работ Энгельса» [8].

А вот взгляд на проблему изнутри: профессор Валентин Толстых из Института философии Российской академии наук в статье «Все что было – не было?» из сборника «Драма советской философии» (1997) свидетельствует о том, что «оставаться творчески мыслящим марксистом в период нахождения „марксистов“ у власти было намного труднее, чем пропагандировать Карнапа, Айера и прочие неопозитивистские авторитеты». «Не трогайте марксизм, не покушайтесь на его официальную версию – таков был негласный принцип политики в области философии» [9].

Преодолеть идеологическую жесткость того материала, с которым работал философ Книгин, помогало в первую очередь свободное и творческое отношение к этому материалу. Он рассматривал его не как собрание постулатов, которое необходимо было просто транслировать, но использовал для выработки собственного философского мировоззрения. Марксизм была для него не истиной в последней инстанции, но одной из точек зрения в контексте иных философских теорий, в определенном отношении весьма продуктивной.

В основе этой позиции лежал также и принцип, задекларированный в любом советском учебнике, согласно которому *марксизм не является догмой*. И если подойти к этому по сути, то марксистская философия действительно не представляла собой законченного учения, но набор некоторых текстов, написанных Марксом, Энгельсом и Лениным, и от конкретного преподавателя зависело – пересказывать ли учебники или вносить свой вклад в развитие и давать свою интерпретацию того предмета, который назывался диаматом.

Творческое отношение было характерно и для *методики преподавания* этого материала.

Каким образом Книгину удавалось преподнести диамат своим студентам так, чтобы он не вызвал у них отторжения и учил мыслить?

Шаг первый: прямо по Гуссерлю – было необходимо осуществить редукцию, т.е. *очищение сознания*. Это означает, что в преподавании диамата необходимо было оставить за скобками всю идеологическую «лабуду», т.е. не озвучивать на своих лекциях идеологические штампы в отношении марксизма (например: диамат – это «мировоззрение пролетариата» или «высшая форма философии»), а некоторые темы пропустить вообще (например, партийность философии).

Шаг второй: требовалось органично включить марксистскую философию в исторический процесс развития философии и представить марксизм не как его «вершину», но так, что в нем была сформулирована определенная точка зрения на освещаемую проблему.

Шаг третий: нужно было особым образом преподнести сам предмет. Здесь я освещу ряд моментов.

Момент первый – источники

В подборе источников для своего курса Книгин в первую очередь реализовывал *принцип конкретности*, т.е. *акцент* делался на *первичную литературу* – на тексты классиков марксизма. Из-за такой установки одна из его учениц – Светлана Сычева (до недавнего времени профессор Томского политического университета) – назвала его «верным рыцарем марксизма», благодаря труду которого «марксистскую диалектику знали досконально» [7. С. 42]. Логика Книгина, как мне видится, была такова: если в марксизме существовали интересные идеи, то зафиксированы они были не в учебниках, но в первоисточниках, к изучению которых и следовало обращаться.

Для Книгина всегда был характерен интерес к актуальному мыслительному процессу, который был зафиксирован в новейших публикациях – книгах и журнальных статьях современных авторов. Осуществляемое таким образом расширение предмета, изучаемого на курсе, создавало богатое поле для размышлений. В особенности журнальные статьи мы обсуждали на семинарах досконально. В таком подходе находило свое воплощение представление Книгина о философии как живом процессе. Именно публикации являлись демонстрацией созревания современных решений по той или иной проблеме в недрах философского духа.

Момент второй – представление материала

В своих лекциях Книгин руководствовался *принципом равноправия точек зрения*, поскольку, по его словам, «каждый имеет свое видение мира и право высказывать его» [4. С. 2], а также представлением о принципиальной незавершенности философских дискуссий и неокончателности предлагаемых философией решений. В соответствии с этим в лекциях рядом друг с другом были представлены и классики философии, и классики марксизма, и современные философы вне зависимости от того, откуда они были родом – из Калуги, Рязани или из Владивостока. С одной стороны, это позволяло отказаться от идеологического принципа «марксизм – вершина философской мысли», руководствуясь которым, многие считали, что достаточно изложить лишь марксистскую точку зрения по освещаемой теме. Но, с другой стороны, здесь реализовывалось марксистское же представление о диалектичности истины, согласно которому истина есть процесс. Таким образом ему удавалось воссоздать и динамику познания, и его целостность, а также организовать своеобразный диалог между философами классическими и философами современными.

Будучи преподавателем, Книгин стремился добиться от студентов понимания предмета, поэтому любая тема всегда преподносилась им в ее историческом развитии (*принцип историчности*). Такой подход был связан с его пониманием философских понятий. По его мнению, «чтобы понять смысл философского слова ... необходимо проследить путь его формирования в процессе философского обсуждения, длящегося веками». «Философские понятия ... по мере рефлексии над ними, обогащаются содержанием, оттенками смысла. Они имеют тенденцию ... стать понятиями-символами, символами своей собственной истории». Поэтому темы необходимо рассматривать «в их историческом развитии, так как только этот путь дает надежное понимание современного состояния проблемы и смысла понятий» [4. С. 6]. Принцип историчности, которым руководствовался Книгин, в общем не противоречил марксистским установкам, согласно которым философские понятия «развиваются по мере того, как развитие общественно-исторической практики раскрывает все новые аспекты и отношения в сложной сети связей действительности» [10].

Принцип историчности определял и «текучесть» его курса, основанную на неустанном внимании к новому в философии. У Книгина происходило постоянное творческое переосмысление диамата. Каждый курс, который охватывал три семестра, в значительной мере отличался от предыдущего. Для каждого нового курса он перерабатывал множество современной литературы. Живой процесс преподавания и общения со студентами также давал толчок к его переработке. Можно сказать, что студенты и аспиранты – ученики Книгина – были свидетелями и соучастниками этого мыслительного процесса.

Как уже было сказано, для сократовского типа философствования характерен «отказ» от текстовой доминанты, и формой передачи собственных философских размышлений становятся лекция и семинар.

Свои лекции Книгин не записывал. У него существовал ряд карточек, на которых были зафиксированы отдельные мысли других философов, которые он считал интересными для раскрытия освещаемой темы. И так – от карточки к карточке – тянулась живая мысль размышлений. На диктофон это никто не фиксировал, хотя, слушая его, такое желание возникало. Поэтому для того,

чтобы воссоздать динамику его мировоззрения и указать на особенности преподнесения им диамата, нужно было бы обратиться к записям его лекций, сделанным разными поколениями его учеников. Но даже если бы это удалось сделать, то эти записи все равно подходили бы к живому телу лекции так же, как хорошо сколоченный крест к тому телу, которое на нем распинается (говоря словами Гёте).

Научение мыслить (а именно такую задачу ставит перед собой сократовский тип философствования) заключается не только в ознакомлении с нестандартными идеями. Научить мыслить – значит показать, что мыслить интересно, увлечь самим процессом мышления. Встреча с человеком, демонстрирующим живой процесс философствования, имеет для духовного становления личности неоценимое значение. «Широта и независимость мышления, богатая эрудиция, импровизация, способность ответить на любой вопрос» – эти черты А. Книгина отмечают его ученики [7. С. 42].

Еще один важный момент: Книгин демонстрировал на своих лекциях, я бы так сказала, *образцовый тип мышления*, для которого характерны четкость в определении понятий, логичность и системность в изложении материала, аргументированность. На эту строгость мышления Книгина обратил внимание профессор Борис Грязнов, который рецензировал его монографию по философским проблемам сознания. Для Грязнова она ассоциируется с аналитической философией. Он пишет: «Книгин, не относя себя к представителям аналитической философии, тем не менее отменно владеет методом концептуального анализа, фиксируя тончайшие нюансы употребления и взаимоотношения важнейших философских понятий» [11]. Следует обратить внимание на то, что основы строгости мышления Книгина заложены традицией категориально-аналитического мышления, которая была характерна для советской теории познания и логики. И если в данном случае возникают ассоциации с аналитической философией, которая берется за критерий образцовости, то это означает, что советская школа аналитического мышления была разработана на достаточно высоком уровне.

V.

Описанные выше принципы работы с предметно-тематическим полем диалектического материализма были положены Книгиным в основу *методической работы со студентами*.

Преподавание диамата в качестве авторского курса требовало изменения в системе преподавания. Это означает, что он сам читал лекции и сам вел семинары. Доверить ведение семинаров кому-то другому было невозможно.

Принцип равноправия мнений находил свое выражение в том, что на семинарах было не только желательным, но и обязательным высказывать свою точку зрения как в отношении классиков философии, так и в отношении классиков марксизма, т.е. Книгин стремился подключить студентов к реальному участию в процессе философствования.

Строгость мышления самого Книгина определяла стремление к воспитанию методологии мышления у своих учеников. От них требовалось: первое – научиться задавать вопросы и проблематизировать тот материал, с которым

имеешь дело; второе – чувствовать себя равноправным в среде именитых, т.е. не бояться дискутировать с признанными авторитетами; третье – уметь формулировать свою позицию и аргументировать ее.

Кроме того, Книгин осуществлял в отношении студентов тактику «принуждения к мышлению». Выражалось это в тройственной форме организации учебного процесса: лекция – семинар – индивидуальное собеседование в группе из 2–3 человек. Смысл этого метода заключался в уменьшении количества участников диалога, поскольку, когда разговор идет в малой группе, увильнуть от него просто невозможно, а если пройти собеседование необходимо для получения допуска к экзамену, то участие в диалоге становится обязательным.

Могу высказать свое впечатление, что задачу воспитания навыков системного и свободного мышления у своих учеников Книгин выполнил; оно помогло им оставаться мыслящими людьми и в том случае, когда изменился предмет размышлений: когда от диамата они ушли в другие области философствования, и даже тогда, когда от диамата и философии вообще они ушли в другие сферы деятельности.

«Живое» философствование Альберта Книгина представляло собой, говоря более академическим языком, научную работу в форме педагогической деятельности. Книгин сделал предметом философской рефлексии не только преподаваемый им предмет – диалектический материализм, но и саму преподавательскую деятельность. Можно сказать, что он разработал *философию преподавания философии или философию воспитания философского мышления*. Свое воплощение его философия преподавания нашла в первую очередь в его реальной преподавательской практике. Он также читал для студентов-старшекурсников спецкурс о «методике преподавания философии», материалы которого опубликованы не были. Избрав сократовский тип философствования или, используя формальную терминологию, «методическую работу со студентами» в качестве основной, он по сути дела бросил вызов общепринятым нормам (не только советским), согласно которым средством совершенствования педагогического труда считается научная работа (защита диссертации). Теряя при этом в деньгах, он получил высшую награду, которой может удостоиться данный тип философствования, – любовь и благодарность своих учеников.

VI.

Научную сторону его работы я освещу очень кратко и в самом общем виде³.

Его курс диалектического материализма состоял из трех частей – теории познания, учения о категориях и учения о сознании. Категории рассматривались им в качестве всеобщих форм бытия и мышления и потому вторая часть являлась не чем иным, как онто-гносеологией. А поскольку для Книгина

³ Поскольку деятельность Альберта Книгина представляла собой научную работу в форме педагогической деятельности, которые являлись двумя сторонами единого процесса, представить детально и ту, и другую сторону в кратком тексте не представляется возможным. Поэтому я остановилась более подробно на той стороне, которая характеризует его «особость» и которая оставила глубокий след в моей душе, уж поскольку доклад был заявлен в качестве экзистенциального размышления.

именно сознание является основной сущностной характеристикой человека, то третья часть являлась антропологией. Таким образом, его курс охватывал три основные философские дисциплины – онтологию, гносеологию и антропологию, – и в качестве курса диамата Книгин излагал собственное философское мировоззрение, в котором марксизм был и остается одним из краеугольных камней, о чем он всегда открыто говорил.

Третья часть была издана в виде монографии под названием «Философские проблемы сознания». Заслуживает внимания предложенная здесь Альбертом Книгиным методология исследования сознания, которую он назвал «методологией естественного реализма». В ее основу им было положено «мировидение, мирочувствование и миродумание так называемого „естественного человека”», т.е. человека не рефлектирующего. «Естественный человек» представляет собой абстракцию. Он бытийствует в языке, и о его самосознании можно судить через анализ речи в обыденных естественных ситуациях. «Естественному человеку присуща первичная интуиция своего собственного существования»: «он созерцает, мыслит, переживает и действует и не рефлексировывает над этими сторонами своей жизни с точки зрения „главности” одной из них», т.е. он предстает целостным человеком. И «все эти свои способности естественный человек связывает с сознанием». Таким образом, для Книгина непосредственный доступ к сознанию открывается через анализ указанных четырех ипостасей существования «естественного человека» [12].

Предложенная Книгиным методология получила отклик у специалистов, были проведены параллели – на Западе с гуссерлевским понятием «естественной установки» [13. С. 73], а на Востоке – с философией буддизма [14]. Мне кажется, что было бы интересно оценить ее эффективность, а также продемонстрировать, в какой мере его мировоззрение «естественного реализма» обусловлено марксистской философией, поскольку в четырех ипостасях человеческого бытия – созерцание, переживание, мышление и деятельность – именно деятельность он называет интегральной ипостасью, в чем, безусловно, сказывается влияние марксизма.

Заключение

Смена мировоззрения может резко произойти как у отдельного человека, так и у целого народа. В первом случае очень ярким примером является Эдит Штайн – одна из первых учениц и ассистенток Гуссерля, которая, прочтя за одну ночь книгу Терезы Авильской, отказалась от гуссерлевой феноменологии в пользу метафизики Фомы Аквинского. Примером второго рода является то, что произошло в России после революции. Однако ни в том, ни в другом случае смена мировоззрения не означает упадка мышления. Конечно, нельзя было ожидать, что мыслить продуктивно на базе марксизма смогли бы философы, сформировавшиеся на старой школе, такие как Лосев, Шпет или Флоренский. Однако в Союзе выросло поколение философов, которое научилось мыслить относительно свободно на основе нового мировоззрения. Альберт Книгин – один из них.

Каждую эпоху необходимо осмыслять в соответствующих категориях. Следует обратиться к исследованию тех философских мировоззрений, которые выросли на основе марксизма, с тем чтобы сделать заключения и об их продуктивности, и об их ограниченности. Если мы, стремясь понять такой феномен, как «советская философия», будем сосредоточивать свое внимание лишь на «философском ребеллизме», т.е. на протестных формах философствования в советское время, мы не поймем ни сам этот феномен, ни советскую эпоху, ни самих себя.

Литература

1. Книгин А.Н. // [Электронный ресурс]. Товики. – URL: http://towiki.ru/view/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D0%B1%D0%B5%D1%80%D1%82_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%BD (дата обращения: 16.04.14).
2. Маяковский В.В. «Домой!» (вариант, зачитанный на вечере в Политехническом музее 19 декабря 1925 года) // [Электронный ресурс]. Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 7: Вторая половина 1925–1926. – URL: http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0520.shtml (дата обращения: 16.04.14).
3. Сагатовский В.Н. Мемуары философа-аутсайдера. [Электронный ресурс]. – URL: <http://vasagatovskij.narod.ru/raboti.html> (дата обращения: 16.04.14).
4. Книгин А.Н. Учение о категориях. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 292 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000668/index.shtml> (дата обращения: 16.04.14).
5. Книгин А.Н., Родос В.Б. Необходимы иные оценки работы преподавателей // За советскую науку. Томск, 1988. 3 марта.
6. Книгин А.Н. Теория познания. Томск, 2009. 331 с.
7. Воспоминания выпускников философского факультета // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. № 2 (6). С. 35–48. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/phil/06/image/06-035.pdf> (дата обращения: 16.04.14).
8. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: пер. с англ. В.Н. Игнатьева и М.Д. Ахундова. М.: Политиздат, 1991. [Электронный ресурс]. – URL: http://scepsis.ru/library/id_666.html (дата обращения: 16.04.14).
9. Толстых В.И. Все что было – не было? // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. М.: ЦОП Института философии, 1997. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rus.ec/b/283527/read> (дата обращения: 16.04.14).
10. Степин В.С. Социокультурная обусловленность эвристической функции философии в научном познании // Ленинская теория отражения как методология научного познания. Минск, 1985.
11. Грязнов А.Ф. Рецензия на кн. «А.Н. Книгин. Философские проблемы сознания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 336 с.» // Вопросы философии. М., 2000. № 7. С. 156–158.
12. Книгин А.Н. Философские проблемы сознания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 336 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tvfi.narod.ru/knigin/index.htm> (дата обращения: 16.04.14).
13. Суржанская Ю.В. Концепт как философское понятие // Вестник Томского государственного университета. Серия. Философия. Социология. Политология. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. № 2 (14). С. 70–78. [Электронный ресурс]. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/phil/14/image/14-070.pdf> (дата обращения: 16.04.14).
14. Дымчиков Э. Философия буддизма как позиция методологии естественного реализма (к анализу исторического значения методологической позиции А.Н. Книгина). Томск, 2000. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tvfi.narod.ru/erdeni.htm> (дата обращения: 16.04.14).

Nazarova Oxana Aleksandrovna College for philosophy Munich (Germany)

NICHES OF FREEDOM: SOCRATIC METHOD FOR THE TEACHING OF DIALECTIC MATERIALISM DURING SOVIET TIMES (BY EXAMPLE OF SCIENTIFIC AND TEACHING ACTIVITY OF ALBERT KNIGIN)

Key words: Soviet philosophy, Dialectic Materialism, Socratic type of philosophizing, methodology of teaching activity, rebelliousness, freedom, Albert Knigin

The author of the article expresses her disagreement with the absolutization of freedom in the form of rebelliousness which is characteristic to the modern public awareness. By the example of scientific and teaching activity of professor Albert Knigin, who was lecturing on Dialectic Materialism in Tomsk State University in the late Soviet period, the possibility for of positive philosophizing existence, implementation of the freedom of thinking and self-expression on the basis of 'official' philosophical doctrine – Marxism. The specific character of Knigin's understanding of philosophy as 'vivid philosophizing' is indicated. This specific character defined the fact that teaching in itself became a form of scientific work for him in which the subject of a scientific study is formed by thematic sections (topics) of the course taught, the course as it is becomes the result of a scientific research and the *lecture* is the basic form of a scientific work results recording. Albert Knigin can be characterized as a Socratic type philosopher. Such type of philosophizing is distinguished by the absence of aspiration to note down own thoughts and ideas; the preference is given to *live communication* with students *with the aim to develop thinking*. It is shown that the development of free philosophizing skills and thinking became possible due to the peculiarities of the course taught by Knigin that included free and creative attitude towards Marxism, the emphasis on the original sources – texts of Marxism classics, the interest shown regarding actual thinking process, presented in the newest publications, organic introduction of a Marxist philosophy into the historical process philosophy development. Furthermore, an important role is assigned to the methodology that he elaborated in the process of teaching the course. Main postulates of it are the following: 1) to teach students how to formulate questions and define problems within the information they work with 2) to have no fear to argue with acknowledged authors 3) to be able to formulate your opinion and to be able to bring arguments in the defense of your position. Through his lectures Knigin demonstrated exemplary type of thinking that can be characterized by accuracy in giving definitions to notions, consistency and systemacy in material statement, presence of supportive arguments. For him to teach others how to think meant to show that thinking process can be interesting, he wanted to be carried away with the very process of thinking. Knigin managed to turn not only the subject he taught – Dialectic Materialism – but the very teaching activity into the subject of philosophical reflection. He created *the philosophy of teaching Philosophy or philosophy of how to form philosophical thinking*.

References

1. Knigin A.N. Al'bert Nikolaevich Knigin. Available at: http://towiki.ru/view/%D0%90%D0%BB%D1%8C%D0%B1%D0%B5%D1%80%D1%82_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%BD. (Accessed: 16th April 2014).
2. Mayakovskiy V. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t [Complete works in 13 vols.]. Vol. 7. Available at: http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0520.shtm. (Accessed: 16th April 2014).
3. Sagatovskiy V.N. Memoary filosofa-outsaydera [Memoirs of outsider philosopher]. Available at: <http://vasagatovskij.narod.ru/raboti.html>. (Accessed: 16th April 2014).
4. Knigin A.N. Uchenie o kategoriyakh [Doctrine of categories]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000668/index.shtml>. (Accessed: 16th April 2014).
5. Knigin A.N., Rodos V.B. Neobkhodimy inye otsenki raboty prepodavateley [Teachers need other methods of their work estimation]. *Za sovetskuyu nauku*, 1988, 3rd March.
6. Knigin A.N. Teoriya poznaniya [Theory of cognition]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2009. 331 p.
7. *Vospominaniya* vypusknikov filosofskogo fakul'teta [Memories of philosophic faculty alumni]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, 2009, no. 2 (6), pp. 35–48.
8. Graham L.R. Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze [Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union]. Translated from English by V.N.

- Ignat'ev, M.D. Akhundov. Moscow: Politizdat Publ., 1991. Available at: http://scepsis.ru/library/id_666.html. (Accessed: 16th April 2014).
9. Tolstykh V.I. Vse chto bylo – ne bylo? Drama sovetskoy filosofii. Eval'd Vasil'evich Il'enkov [Drama of Soviet philosophy. Eval'd Vasil'evich Il'enkov]. Moscow: Institute of Philosophy Publ., 1997. Available at: <http://lib.rus.ec/b/283527/read>. (Accessed: 16th April 2014).
 10. Stepin V.S. Leninskaya teoriya otrazheniya kak metodologiya nauchnogo poznaniya [Lenin's theory of reflection as scientific cognition methodology]. Moscow: Universitetskoe Publ., 1985. 302 p.
 11. Gryaznov A.F. Retsenziya na knigu "A.N. Knigin. Filosofskie problemy soznaniya. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1999. 336 s." [Review on A.N. Knigin's book "Philosophic problems of consciousness". Tomsk: Tomsk State University Publ., 1999. 336 p.]. Voprosy filosofii, 2000, no.7, pp. 156–158.
 12. Knigin A.N. Filosofskie problemy soznaniya [Philosophic problems of cognition]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1999. 336 p. Available at: <http://tvfi.narod.ru/knigin/index.htm>. (Accessed: 16th April 2014).
 13. Surzhanskaya Y.V. Kontsept kak filosofskoe ponyatie [Concept as a philosophic notion]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science, 2011, no. 2 (14), pp. 70–78. Available at: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/phil/14/image/14-070.pdf>. (Accessed: 16th April 2014).
 14. Dymchikov E. Filosofiya buddizma kak pozitsiya metodologii estestvennogo realizma (k analizu istoricheskogo znacheniya metodologicheskoy pozitsii A.N. Knigina) [Buddhism as the position of natural realism (to the analysis of historical meaning of A.N. Knigin's methodological position)]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2000. Available at: <http://tvfi.narod.ru/erdeni.htm>. (Accessed: 16th April 2014).